

Все события, описанные в этой книге,
вымышлены, любые совпадения случайны.

Мандариновый

лес

Наташа была уверена — счастливее времени не было. Нет, не так — конечно же, было! Было, когда появился Сашенька. Но тогда, в те далекие годы, она была оглушительно, ошеломительно счастлива. Без всяких там оговорок и ожиданий.

— А что мы с тобой ели слаще морковки? — сердилась подруга Людка.

— Дура ты, — отвечала Наташа. — При чем тут морковка? Любовь была, понимаешь? Лю-бовь!

Людка ехидно уточняла:

— У кого? У тебя?

— У меня, — подтверждала Наташа. — И знаешь, иногда этого бывает достаточно.

— Для идиотов, — хихикала Людка.

Наташа не отвечала.

Кто может отнять у нее это? Кто вообще может отнять воспоминания? Тем паче, что воспоминания подтвердились напоминанием — ежедневным и ежечасным, самым счастливым и самым тревожным. И напоминание это — любимый сыночек Сашенька.

В худучилище ее затащила все та же Людка, подруга детства, которая уже год работала там натурщицей. Людка была верной, если что — в огонь и в воду, но при этом ужасно вредной. Характер — дерьмо. Вся в свою мать тетю Раю — ох, не дай бог попасть ей на язык! Но приходилось мириться, что делать. У всех есть недостатки.

Людка уговаривала долго: работа натурщицы — фигня, сидишь, в ус не дуешь, сплошные перекуры, делать вообще ничего не надо.

— *Ваабще!* — Подруга делала большие глаза. — Сиди себе и позевывай.

— Ага, голый! — хмыкала Наташа. — Нет, никогда.

— Не голый, а обнаженной, — смеялась Людка. — Дура ты бестолковая. Ой, прям все так и мечтают поглазеть на красавицу Репкину. На прелести твои смотреть никому неохота. Хочешь — вообще не раздевайся, будут писать портрет. Или бюст. А хочешь — сиськи прикрой. Про трусы я вообще не говорю — трусы с тебя и так никто не стянет! — И с ехидным смешком добавляла: — Без твоего, конечно, согласия!

Наташа работала в универмаге младшим продавцом в галантерейном отделе. Деньги копеечные, весь день на ногах, покупатели нервные, в очередях сплошные скандалы и драки. В общем, ад и ужас. Да к тому же противная заведующая, злая, как собака на привязи, чуть что — сразу выговор.

К дефицитному товару Наташа допущена не была — еще чего! «Привилегии надо заслужить», — говорила заведующая. Тоже мне привилегии —

польская пудра или югославская тушь для ресниц. Но было обидно, что говорить. Видела, как другие обдeldывают делишки — берут пачками, а потом продают на сторону. И, конечно, с наваром. Правда, вряд ли она бы так смогла.

Последней каплей были немецкие колготы «Дедерон».

— Три пары? — возмутилась заведующая. — Ну ты и нахалка!

Да, три — себе, Людке и сестре Таньке. В подарок на Новый год. Но нет, не дала — перебьешься! От обиды Наташа расплакалась и, наревевшись в подсобке, отнесла заявление в отдел кадров.

Оставаться в торговле не хотелось. «Не мое», — говорила она. А куда податься? Образование восемь классов, талантов ноль. Ни денег, ни полезных знакомств — ничего.

Учиться тоже не хотелось. Если честно, вообще ничего не хотелось. А вот замуж хотелось, и детей тоже. Квартиру свою, чтобы чистоту наводить, украшать, цветочки там на подоконнике, герань и фиалки, чтобы гладить мужу рубашки, варить борщи и печь пироги. Скучные мечты, но что поделать — такая она получилась.

Сестра Танька работала на заводе. Пахала как лошадь, приходила домой и сразу заваливалась в кровать. Поспит пару часов, а после поест, иначе кусок в горло не лезет, такая вот жизнь.

Родителей не стало, когда Наташе было пятнадцать. Ушли одновременно, «почти хором», как говорила Людка. Мучили друг друга, ругались без остановок, а друг без друга не смогли.

Похоронили маму, запил отец. Горько запил, страшно. И через полгода инфаркт. Выхаживали, но через полтора года и его проводили. Перед смертью все плакал, просил:

— Девки, вы меня рядом с мамкой похороните. Лягу рядом и буду прощения просить. Может, простит.

Остались Наташа с Танькой вдвоем. Ну и Людка, конечно. Почти все время Людка торчала у них — дома несладко. Пили и папаша, и старший брат, оба буйные. Как нажрут — скандал и драки.

Мать, тетя Рая, тоже с характером. Орет так, что кровь в жилах стынет. «Собачья жизнь, — говорила Людка. — Но у меня будет все по-другому».

Наташа в это не верила — откуда по-другому, с чего бы? Мало кто выбирался из их Вороньей слободки, по пальцам пересчитать. Как говорили, где родился там и сгодился. Хотя в слободке родилось поколение Таньки и Наташи, а родители были приезжими, лимитчиками. И называли их коротко — лимитой. Жили все почти одинаково: женились на своих, играли пьяные свадьбы, на столах обветривался винегрет и подсыхала толсто нарезанная колбаса, клялись в вечной любви, при слове «горько» считали до десяти, били на счастье дешевые мутноватые бокалы. Счастливая невеста рдела под тюлевой фатой, а уже через год повторяли судьбы родителей и соседей — скандалы, побои, разбитые скулы, затекшие веки, милиция.

В общем, зря били бокалы — какое там счастье.

Вот Танька, сестра, вполне симпатичная. Точнее — была симпатичной. Синеглазая, белокожая,

волосы нежные, тонкие, льняные. Раньше была веселушкой — смешливая, анекдоты рассказывала, пела хорошо, частушки как заведет, так все вповалку.

И что? А ничего. Ушло все, как не было. В двадцать пять от веселой и симпатичной Таньки ничего не осталось, просто другой человек. В глазах усталость и сплошная тоска. Как говорится, была Танька, да вся вышла.

Завод построили после войны, в сорок девятом, на самой окраине города. Вокруг тогда были деревни. И поселок, слободка, начал застраиваться вокруг завода — жилье для рабочих. Отдельный город, даже не верилось, что в полчасе Москва.

В пятидесятых за жилыми бараками понастроили курятников и сараюшек для скота. Нет, коров не держали, а поросят запросто. Сажали и огородики, в основном картошку. Заводские гордо называли себя москвичами, но в душе оставались деревенским людом, тоскующим по земле и хозяйству. Танька рассказывала, как дурниной орал соседский петух — будильник не нужен.

В их рабочем районе, построенном вокруг завода и прозванном Вороньей слободкой, все женщины после свадьбы на следующий же день расставались с молодостью и радостями. Впрочем, и до замужества радостей было немного.

Мужики тяжело работали и много пили, женщины тоже работали, рожали детей, стирали в корытах, и топили печки, и без конца бились с пьющими мужьями.

Мало кто выбирался в другую жизнь, мало кому удавалось.

Наташа про себя знала — она бесхарактерная, в маму. Да и отец был слабоват. Неплохой человек, когда трезвый. Но как выпьет — беда. И Танька, сестра, сразу со всем смирилась и фыркала: «Все так живут, чем мы-то лучше?» Одна Людка была уверена, что выберется: «Ни за что здесь не останусь — руки на себя наложу, а не останусь!»

В шестидесятых бараки сломали и быстро построили типовые пятиэтажки. Квартиры в них были плохонькие, но зато отдельные. Успели получить двухкомнатную до смерти мамы — правда, пожила она в ней совсем немного, но порадоваться успела. В одной комнате родители, в другой Танька с Наташей.

А после смерти родителей стали и вовсе владельцами отдельных комнат. Но вскоре Танька вышла замуж и привела в дом своего Валерика.

Трезвый Валерик был тихим и мрачным, молча приходил с работы, молча съедал обед и заваливался спать. А по выходным и праздникам «уходил в загул», выпивал. Драчливым не был, но делался таким разговорчивым, что остановить его не было сил. Наташа жалела бедную Таньку и сменяла ее: «Давай, Валер, — вздыхала она, — пришли свежие уши». А измученная сестра уходила поспать.

Наговорившись, Валерик так и засыпал за кухонным столом. Тощий, страшный, в голубой майке-алкашке, с татуировкой на хилом плече.

Наташа не могла понять, что Танька нашла в этом уроте? А сестра считала, что ей повезло. Во-первых, не лупит, а во-вторых, отдает всю зарплату.

— Вот уж счастье! — презрительно фыркала Люд-ка и с тяжелым вздохом добавляла: — Ну по Сеньке и шапка.

Конечно, обидно, но по сути Людка права.

После увольнения из универмага Наташа засела дома. Тоска. Покормить Валерика, выслушать его бредни — зять был косноязычный до тошноты. И все по кругу, по кругу.

Стирка, готовка, уборка — надоело до чертей. В общем, Людка уговорила ее пойти в училище. Сработал главный аргумент — там хоть нет этих рож. Народ вежливый, интеллигентный — одно слово, художники.

Училище находилось недалеко от метро «Таганская». Перед зданием Наташа заробела, остановилась. Как-то не по сердцу ей была эта работа. Но хмурая Людка толкнула ее в спину:

— Что встала? Пошли!

По коридорам спешили студенты — сосредоточенные, важные.

— Деловые, — усмехнулась Людка.

В отделе кадров все прошло как по маслу, и Наташе объявили, что заступать она может хоть завтра.

Видя ее растерянность, Людка смилостивилась и потащила ее по классам.

От волнения Наташа вспотела, но отпустило быстро — ничего страшного, никаких неприличностей, никаких голых тел, все прикрыто и пристойно.

А ночью все равно не спала, психовала.

В восемь утра встретились у подъезда. Людка хихикала:

— Ну что, ударница труда? Готова к подвигам во имя искусства?

— Отстань, — отмахивалась Наташа. — Не цепляйся, репей!

Раздевались в комнате для натурщиков. Увидев так называемых коллег, Наташа застыла. Ничего себе, а? Еле живой древний дед на полусогнутых, синих от разбухших вен ногах, сильно пожилая и очень толстая тетка с бордовыми растяжками на животе, молодой, нездорового вида парень, которого она тут же про себя окрестила «чахоточным», и хмурая, недовольная девушка с огромным, вполлица, страшноватым красным пятном.

«Ну и публика, — подумала Наташа и успокоилась. — А я еще переживала!»

Тоненькой она тогда была, былинкой-тростинкой. Тоненькой и хорошенькой: легкие светлые волосы, серые глаза, чуть вздернутый нос. Ничего особенного, но милая. *Он* так и говорил: «Ты очень милая».

Наташа ему верила. Как она ему верила! Всегда и во всем.

Но это было чуть позже.

В общем, ничего страшного в училище не оказалось, зря психовала. В классе ее усадили на стул, стоящий на небольшой круглой сцене, которая называлась подиумом, и попросили сидеть, не двигаясь. Сорок минут сидеть, десять на перекур. Наташа не курила, а в объявленный перерыв толпа студентов, как оглашенная, рванула в курилку. И еще долго по классу витал горьковатый и крепкий дух табака.

Писали портрет. Преподаватель по фамилии Хорецкий, немолодой, иконописно красивый, се-

довласый и черноглазый сурового вида мужчина, строго, как надсмотрщик, наблюдал за залом и натурой. Говорили, что у Хорецкого молодая красавица жена, кажется, из балетных, пятая или шестая по счету, и малолетний ребенок. Еще говорили, что в него влюблены все студентки и преподавательницы.

Хорецкий недовольно хмурился, цыкал на студентов, резкими движениями поправлял Наташины волосы и поворачивал ее голову. От его сильных, холодных и хватистых движений Наташа вздрагивала.

Студенты были доброжелательны, дружелюбны и нейтральны: «Привет — привет, пока — пока». Все. Она понимала — воспринимают ее исключительно как модель для наброска, рисунка или портрета. Все остальное их не интересовало. А вот она с интересом разглядывала студенческую братию.

Ну вот, например, Оля Кувалдина. И вправду, Кувалдина — высоченная, здоровенная, с грубым, рябоватым лицом, бесцветными губами и серыми, холодными, стальными глазами. Как ей подходит эта фамилия! Оля считалась негласным гением, и даже суровый Хорецкий ее нахваливал.

На его похвалы Оля реагировала спокойно. С достоинством кивая и сведя брови, говорила, что надо стремиться к лучшему.

Или Милочка Гордеева, внучка академика живописи, хорошенькая, как игрушка: тонкая талия, длинные ноги, светлые локоны, карие глаза. Милочка была легкой и легкомысленной. И учеба, и лекции, и семинары, и натура с пленэром ее